

ИНТЕРВЬЮ

Г.Н. КАНИНСКАЯ

ИСТОРИК ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАНИИ И О СЕБЕ

**ИНТЕРВЬЮ С ДИРЕКТОРОМ ЦЕНТРА ИСТОРИИ
ИНСТИТУТА ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК Г. ПАРИЖА
ПРОФЕССОРОМ Ж.-Ф. СИРИНЕЛЛИ**

Не будет преувеличением сказать, что на протяжении нескольких веков французская историография если не доминировала в мировой истории, то являлась одним из ее «становых хребтов». Верно и то, что отечественным историкам всегда была присуща «особая чувствительность» к французской исторической школе и ее мэтрам. В нашей стране не только сложилась плеяда именитых франковедов, таких как А.З. Манфред, А.В. Адо, В.П. Смирнов, М.Ц. Арзаканян и др., которые не могли не касаться французской историографии при написании своих трудов по истории Франции, но выделяются среди них и те, кто целенаправленно, как, например, В.М. Далин, А.Я. Гуревич, Ю.Л. Бессмертный и др. концентрировался на научном анализе французской исторической мысли. К этому ряду специалистов следует добавить имена Л.П. Репиной, А.О. Чубарьяна и др., которые в различного рода изданиях, написанных на историографические сюжеты, неизменно останавливались на их французской составляющей. Наконец, поскольку начиная с последней четверти XX века исторические дискуссии стали в значительной мере интернациональными, и появилась возможность свободного обращения идей и книг, российский читатель может самостоятельно ознакомиться с творчеством выдающихся французских историков благодаря переводам их сочинений на русский язык.

Имя Жана-Франсуа Сиринелли не ново для отечественных гуманитариев. Его неизменно упоминают в числе французских зачинателей культурной истории, которым к тому же принадлежит заслуга привнесения ее в виде комплексной программы обновления на почву политической истории. Предпринятое им, совместно с коллегой-

единомышленником Ж.-П. Риу, коллективное четырехтомное издание «Культурная история Франции» (от античности до современности), для которого сами они написали отдельный том, посвященный XX веку и озаглавленный «Времена масс»¹, по мнению Ж. Ле Гоффа, можно считать «манифестом культурной истории»². В настоящее время Сиринелли является вице-председателем Ассоциации по развитию культурной истории во Франции. В его послужном списке, датированном апрелем 2009 г.³, помимо уже перечисленных, значатся и такие должности: председатель Комитета по истории Франции, председатель комитета по истории при ЮНЕСКО, директор «Исторического журнала»⁴. В этом списке перечислены 17 работ по политической и 14 работ по социальной и культурной истории Франции XX века. Отметим, что перечень этот далеко неполный, ибо в нем указаны лишь монографии или коллективные труды и нет ссылок на многочисленные статьи. Между тем одна из его статей, посвященная французским правам, была опубликована и в нашей стране, во «Французском ежегоднике» за 2003 г. Отдельные произведения Сиринелли переиздавались, часть их переведена на испанский, итальянский, польский, венгерский, корейский и китайский языки.

Автор данной публикации, неоднократно работая приглашенным профессором в Институте политических наук Парижа (сокращенно его называют во Франции «Сьянс-по») имела возможность участвовать в руководимых Ж.-Ф. Сиринелли семинарах разного уровня, где в процессе изучения истории современности (или, по нашему, новейшей истории) применялись методы культурной истории⁵. Без малого пятнадцатилетний срок знакомства и (с разными

---

¹ Rioux J.-P., Sirinelli J.-F. Histoire culturelle de la France. Vol. 4. Le temps des masses. Le vingtième siècle. P.: Seuil, 1998.

² См. об этом, например: *Бессмертный Ю.Л.* Как же писать историю? Методологические веяния во французской историографии 1994-1997 гг. // Новая и новейшая история. 1998. № 4.

³ Из CV, присланного лично Ж.-Ф. Сиринелли автору.

⁴ С электронной версией журнала можно ознакомиться на сайте: <http://www.histoire-politique.fr>

⁵ До 2003 г. это были семинары DEA (Диплом углубленного изучения), на которых в течение двух лет слушатели готовились к переходу в статус докторантов (в российском варианте — аспирантов) и, по сути, начинали работу над темой диссертации, а также методологические семинары для докторантов. По-

временными интервалами) сотрудничества натолкнул автора на мысль о том, чтобы во время пребывания в Париже в научной командировке в Доме наук о человеке в мае 2009 г. взять у Сиринелли интервью по актуальным историческим проблемам. Охотно согласившись на беседу, Сиринелли подарил автору одну из последних своих книг «Понять французский XX век»⁶, предложив позаимствовать для ответов на заданные вопросы часть материала из ее введения (с. 7-54), потому что суждения, высказанные им там, напрямую вписывались в тему разговора. Таким образом, подготовленный к печати текст состоит как из собственно вопросов автора и ответов на них Ж.-Ф. Сиринелли, так и выдержек из вышеназванной книги.

***

Г.К. Повлияла ли и каким образом на Ваш профессиональный выбор Ваша семья, и как проходил этот выбор?

Ж.-Ф. С. Дальние предки мои были выходцами из мелкобуржуазного сословия, оба деда были учителями, а отец — профессором, специалистом по древнегреческой цивилизации. Прямо отец никогда не влиял на мой профессиональный выбор, но, вероятно, все же, что его личный пример и те университетские ценности, которые он в моих глазах собою олицетворял, — все это опосредованно повлияло на мое решение стать профессором. Подчеркну, что я никогда не пожалел о сделанном выборе, несмотря даже на то, что, к моему глубокому сожалению, очевиден тот факт, что в современном французском обществе статуса профессора, равно как и вообще престиж высшей школы частично утратили свою значимость.

Из книги. Невзирая на то, что мое дипломное сочинение было посвящено античному периоду, выбранная мною тема свидетельствует о том, что уже тогда, в начале 1970-х гг., я хотел изучать историю XX века. По сути, меня интересовал не столько временной отрезок, сколько взаимовлияние политической и культурной истории. Работа моя была посвящена взаимоотношениям правителей эпохи

сле 2003 г. семинары DEA уступили место также двухгодичным магистерским семинарам, а методологические семинары стали называться докторантскими. Это были семинары, которыми Ж.-Ф. Сиринелли руководил сначала с Ж.-П. Риу, затем с А. Слама; теперь он их ведет совместно с М. Лазаром.

⁶ *Sirinelli J-F. Comprendre le XX-e siècle français. P.: Fayard, 2005.*

эллинизма и литературы, а именно: каким образом, опираясь на практику меценатства, эти правители сумели поставить культуру на службу во славу себе. В этом исследовании уже явно проступали проблемы современности: место и роль деятелей науки и культуры в общественной жизни... Исходя из этого, видно, что скачок от Александрии последних веков до нашей эры к Франции XX века был не мимолетным порывом, а сознательным выбором, возможно, своеобразным подтверждением моей предрасположенности к антропологическому повороту... Хронологически этот скачок был сделан в 1972–1973 гг., в учебному году моей подготовки к сдаче агрегационного экзамена по истории в университете Париж-Х-Нантер. В то время этот университет блистал в области политической истории, поэтому предложенная для агрегационного конкурса тема звучала так: «Франция с 1934 по 1958 гг.». Без сомнения, год, проведенный в Нантере, еще больше укрепил мой интерес к французской истории XX века. Однако в этом прославленном университете, где в русле политической истории главное внимание концентрировалось на изучении партий, роли политических лидеров, общественного мнения, меня больше всего привлекали иные сюжеты. И когда осенью 1973 г. встал вопрос о выборе темы диссертации, к тому же, учитывая, что это был период, когда идеологические течения еще не прозвучали в полную силу, мое внимание было обращено к изучению места в общественной жизни людей культуры и циркуляции в обществе политических идей. Это то, что затем назовут интеллектуальной историей, но в то время по этой теме еще не существовало ни семинаров, ни произведений обобщающего характера. Особенно это относилось к истории XX века, в которой исследователям открывалась целина... Таким образом, уже в проекте темы диссертации, намеченном мной после сдачи экзамена на агрегацию, культурная история присутствовала в зародышевом состоянии (с. 8-10).

Г.К. Добавим от себя, что тема диссертации Ж.-Ф. Сиринелли называлась «Каньяры и нормальненцы⁷ двадцатых годов. Политическая история поколения интеллектуалов (1919–1945)». Она была вы-

---

⁷ «Каньярами» на студенческом слэнге называют учащихся специальных годовичных подготовительных классов для поступления в высшие учебные заведения. «Нормальненцы» — это выпускники одного из престижных высших учебных заведений Франции — Высшей нормальной школы социальных наук.

полнена под руководством Р. Ремона, защищена в 1986 г. и опубликована в виде монографии в 1988 г.

Из книги. В то же время, когда готовилась к публикации моя диссертация, ее издатель Э. Винь предложил мне написать много-томный труд под названием «История правых во Франции»⁸. Этот проект сразу же меня прельстил... Мой интерес был тройным. С одной стороны, мне казалось чрезвычайно важным продолжить переосмысление событий стремительно развивавшегося XX века в целом, не исключая возможности на этом фоне перекинуть с межвоенных лет на его вторую половину начатое мною в годы работы над диссертацией изучение интеллектуалов... С другой стороны, доскональное изучение сюжета требовало погружения в историю двухвековой давности. Именно перекрещивание событий на протяжении такого длительного срока делало этот проект притягательным: достоинство культурной истории стало очевидным, когда я искал ответы на многочисленные вопросы из истории XX века, ибо через сравнительно-историческую и хронологическую перспективу она позволила проследить взаимовлияние многочисленных событий. Наконец, третья причина, побудившая меня заняться этим захватывавшим, но требовавшим долгих лет усилий проектом, заключалась в том, что изучение интеллектуалов сделало возможным найти нужные ответы на вопросы о процессе распространения идей и политической мысли в обществе, о том, как они либо поглощаются им, либо отвергаются (с. 23-24).

Г.К. В 1998 г. в двух номерах российского журнала «Новая и новейшая история» была опубликована статья Ж. Ревеля под названием «История и социальные науки во Франции на примере эволюции школы “Анналов”», в которой затрагивалась тема лингвистического или постмодернистского поворота в историографии. Ж. Ревель указывал на то, что этот поворот привел к появлению культурной истории как одного из методологических подходов на исследовательском поле истории. В своей статье он упоминает Вас как одного из наиболее убежденных приверженцев этого направления в струк-

---

⁸ Сошлемся на этот труд в том виде, в каком его прислал в послужном списке Ж-Ф.Сиринелли автору: *Histoire des droites en France*, 3 vol., tome I (*Politique*), II (*Cultures*) et III (*Sensibilités*), Paris, Gallimard, 1992. Rééd. du tome I, Gallimard, coll. "Folio", 1995. Réédition en collection TEL, Gallimard, 2006.

туре историописания. Там же Ж. Ревель называет имена тех Ваших коллег, кто не принимает культурной истории, и приводит их критическую аргументацию в ее адрес. Как бы лично Вы прокомментировали сложившуюся в этой связи ситуацию во французской историографии? И какие изменения произошли с момента публикации вышеуказанной статьи?

Ж.-Ф.С. Последние двадцать лет поистине ознаменовались взлетом культурной истории во французской исторической науке. Я очень рад этому, ибо считаю, что этот взлет вдвойне обогатил французскую историографию. Культурная история выступает одновременно и как область знания, и как способ видения. Этим я хочу сказать, что в процессе исторического исследования культурная история выполняет двуединую функцию. С одной стороны, она представляет собой дисциплину, выступающую как самостоятельный раздел историографии, в котором анализируются представления людей о самих себе и об окружающем их мире. Это то, что я определяю как «чисто культурная история» и в качестве дополнительных пояснений подчеркну, что в данном ракурсе она концентрируется на выяснении циркуляции смысловых конструкций какого-либо данного общества. С другой стороны, обратившись к изучению циркуляции смыслов, культурная история выходит за пределы ее собственного исследовательского поля и способствует обогащению взглядов историков из других областей этой науки. Это значит, например, что, благодаря подходам культурной истории, политическая история до такой степени глубоко обновилась, что можно уже говорить о культурной истории политики.

Из книги. В одном из своих текстов, опубликованном в 2001 г., я предложил базирующееся на этих принципах определение культурной истории... В докладе на конференции 2004 г. в Серизи, названном «Современная культурная история», я пояснил это определение как «двухуровневая история» (с. 23)... Историк, пытающийся воссоздать прошлое и реконструировать былую реальность, прекрасно осознает всю сложность этого занятия и, более того, представляет, что осязать их невозможно. Поэтому культурная история, пытаясь уловить реалии и находясь в то же время под их воздействием в процессе восприятия-отражения, де-факто оказывается в центре любого историографического исследования (с. 25-26).

Г.К. Несмотря на обилие в нашей стране публикаций, посвященных постмодернизму, культурной, интеллектуальной истории, в которых, казалось бы, расставлены все точки над *i* в том, что касается этих направлений в мировой историографии, хотелось бы услышать Ваше личное мнение по поводу методологической и концептуальной разницы между ними.

Ж-Ф.С. *Постмодернизм* — это изначально англосаксонское определение, и во Франции лишь немногие историки им оперируют. Это и не мой случай, поэтому я не стану рассуждать о постмодернизме. Напротив, очень актуальна во Франции проблема выяснения семантической разницы между понятиями «культурная» и «интеллектуальная» история. В строгом смысле слова, в широком плане, понятие культурная история поглощает понятие истории интеллектуальной. Ведь последняя понимается, как производство систем структурированных мыслей, поэтому, когда речь заходит о коллективном в историческом процессе или о более глобальной интеллектуальной конфигурации, сложившейся в обществе на данный момент, она охватывается культурной историей. Хотя сегодня некоторые историки стремятся придать интеллектуальной истории автономный статус в рамках исторической дисциплины. В принципе, это нельзя не приветствовать, но в то же время хочется надеяться на то, что при этом не будет оспариваться прочность связей между интеллектуальной и культурной историей. К тому же следует напомнить, что двадцать лет тому назад именно интеллектуальная история служила матрицей истории культурной. Поэтому, в свою очередь, это обстоятельство подчеркивает неразрывную обратную связь — культурной истории и интеллектуальной.

Из книги. В середине 1980-х гг. ...мне стало ясно, что XX век, несомненно, является веком ангажированных интеллектуалов, но изучения лишь их одних недостаточно для понимания десятилетиями происходивших процессов исторического развития. Многие мыслители жили в этом веке, но его история не держится лишь на них одних... Ограничение только интеллектуальной историей ведет если не к тупику, то к научному риску в деле реализации проекта по переосмыслению французского XX века (с. 15-16). Между тем сама по себе интеллектуальная история служит существенным дополнением к его пониманию (с. 22). Применение к политике метода куль-

турной истории позволяет объяснить кризисы и волнения, выйдя за пределы, безусловно, необходимого анализа принципов законности политического режима, но тем не менее, сконцентрировавшись главным образом на принципах легитимности... Этот XX французский век должен быть, таким образом, рассмотрен как история соучастий и разделяемых чувств... Те, кто приобщился к общественной жизни, сам одновременно зависит в своих действиях от мыслительных процессов, происходящих в окружающем их мире. Только в этой зависимости никогда не доходят до восприятия реальности, воспринимая лишь ее отражение. Таким образом, в конечном итоге, это восприятие-отражение и определяет виды действий. Поэтому культурная история, и вместе с ней политическая история, в историографическом плане сосредотачивают внимание одновременно на мыслительной и действенной активности. Иными словами, степень зрелости политических фигур зависит не только от точных политических расчетов и стройных доктрин. К ней примешиваются, помимо всего, менее изученные представления из области восприятия внутреннего мира политики. И чтобы получить об этом представление, следует расширить культурную историю политики за счет привнесения на ее почву антропологических методов. Таким образом, в культурной истории соединятся два методологических подхода. Во всяком случае, перед историком стоит очень сложная задача определить, каким образом отражаются на политическом поведении эти разрозненные представления о том, как быть, действовать, мыслить, чувствовать (с. 30-31).

Г.К. Полагаете ли Вы, что в настоящее время существует разница между национальными историческими школами? О каких различиях могли бы Вы сказать?

Ж.-Ф. С. Мой ответ будет неоднозначным. Безусловно, за последние двадцать лет ситуация сильно изменилась. Происходящая в мире «социокультурная глобализация» сблизила больше, чем когда бы то ни было прежде, национальные исторические школы. Это прекрасно видно на международных конференциях, во время которых со всей очевидностью проявляются схожесть и совместимость историографических подходов. К тому же стоит подчеркнуть в качестве характерного симптома то, что отныне каждой национальной историографии свойственно признавать такое понятие, как «мировая ис-

тория». В то же время, правомерным остается и тот факт, что любая национальная историография есть продукт собственных традиций и исторического наследия. А это, по крайней мере, на сегодня, позволяет утверждать, что национальные историографии сохраняют свои особенности. Более того, нельзя забывать о том, что в разных исторических школах в некоторые понятия не всегда вкладывается одинаковый смысл, что подчас вызывает сильные историографические разночтения. Это напрямую относится к понятию «культурная история». Дело в том, что широкое толкование слова «культура» нередко приводит национальные историографии к разным представлениям о том, что следует вкладывать в рамки культурной истории.

Г.К. Что Вы можете сказать об эволюции французской историографии за последние 30 лет? В какой стадии развития находятся в настоящее время крупные историографические школы Франции? Какие новые тенденции и концепции появились, и какие Вы лично разделяете?

Ж-Ф.С. За тридцать последних лет французская историография сильно изменилась. В первой половине 1970-х гг. еще широко доминировала социальная история, а в ее рамках развивалась так называемая «ментальная история». Сегодняшний историографический пейзаж предстает глубоко изменившимся. Если говорить о произошедшей эволюции в самых общих чертах, то следует упомянуть о ее двух главных проявлениях. Во-первых, возродилась политическая история, а во-вторых, развилась культурная история. При этом политическая история, десятилетиями считавшаяся наименее привлекательной и плодотворной в числе других отраслей исторического знания, существенно обогатила новыми сюжетами свое исследовательское поле, привнеся в него также и новые методы. Что касается культурной истории, то во французской историографии она сейчас переживает бум и достигла пика своего расцвета как учебная дисциплина во многих университетах. Как это затрагивает меня лично? Я ощущаю себя в профессиональном плане стоящим на пересечении этих двух подходов, потому что принимал участие в развитии культурной истории и всеми силами содействовал возрождению политической истории путем обогащения ее методологического арсенала приемами, заимствованными у молодой культурной истории.

Из книги. Эти аналитические подходы чрезвычайно важны, потому что они затрагивают совместное бытие: не только агоры, где разворачивается политическая борьба и сталкиваются политические культуры, но и в более широком плане остального Города, где организуется конфликтным или консенсусным способом социальное существование; если на поверхности политические культуры вскрывают проявления политического сознания, то с помощью более глубокого их анализа в дискурсивном плане мы выходим на то, что в них скрыто. За тем, что скрыто, прослеживается взаимодействие многочисленных факторов и событий, обеспечивающих функционирование Города, и повседневное сосуществование в нем своих и чужих... Историк должен постоянно размышлять над соотношением единичного и общего, индивидуального и коллективного (с. 32, 36). Историк новейшего времени, в отличие от коллег, занимающихся другими периодами, призван отдавать себе отчет в том, что на его практическую работу влияют изучаемые события. Он непосредственно вовлечен в общественную игру под названием «история и память»... Отсюда следует, что надо быть осторожным, ибо, если историк новейшего времени не будет контролировать свою память, то он попросту исказит и лишит смысла свой труд... У новейшей истории существуют свои принципы: ей как исторической дисциплине присущ определенный исследовательский периметр — и в то же время на практике она развивается экстенсивно. Эта история развивается, таким образом, по мобильной шкале времени... Мы видим также, что эта временная мобильность не ограничивается только хронологическими рамками: приход нового поколения историков привносит другой эталон для измерения соотношения между прошлым и настоящим. Другими словами, временной отрезок, с которого начинается новейшая история, не может быть установлен указным порядком: он представляет собой видоизменяющийся участок, который обрабатывают историки разных возрастов, прибегающие к тому же к разным способам обработки (с. 42-43).

Г.К. Если Вас попросить назвать несколько наиболее почитаемых Вами историков, кого бы Вы вспомнили в первую очередь?

Ж.-Ф. С. Французская историческая школа была и остается весьма плодотворной и богатой на знаменитые имена. С этой точки зрения очень трудно установить в ней пальму первенства среди уче-

ных, а если все же постараться, то надо отметить, что в этом деле все равно нельзя достигнуть полной справедливости. Кроме того, я специалист по новейшей истории, поэтому мне трудно сделать это применительно к историкам, изучающим другие периоды (античный, средневековый и новый) и прославившим своим творчеством самостоятельные французские исторические школы. Если вернуться к новейшей истории, а в ее пределах — к истории политической и культурной, то хотелось бы выделить следующих знаменитостей. В первую очередь надо отметить, что главным специалистом, стоявшим у истоков возрождения политической истории, был Рене Ремон, скончавшийся в 2007 г. Заслуга его в том, что он объединил вокруг себя историков разных поколений, которые, вслед за своим мэтром, тоже поспособствовали этому возрождению. В 2010 г. в Сьянс-по пройдет научная конференция, посвященная анализу творчества и роли Р. Ремона в историографии.

На изучение истории XIX века глубоко повлияли два других историка, теперь уже на пенсии: Морис Агюлон и Алэн Корбен. И это не только потому, что оба они имели массу учеников и последователей, но и потому, что каждый из них существенно и с разных сторон обогатил французскую историческую школу.

Из книги. Постепенно работы Мориса Агюлона, Алэна Корбена и других специалистов по истории XIX века позволили вписать этот век вровень с предыдущим. Автор «Марианны» (Агюлон — Г.К.), в частности, четко сформулировал свою мысль о том, что история репрезентаций не является прерогативой специалистов по дореволюционному времени. Это утверждение, блестяще реализованное на практике в его произведении и в трудах других авторов, позволило свершиться историографическому перевороту: мало-помалу историческая антропология вышла за пределы периода до 1789 г. и дошла в хронологическом измерении до 1914 г. Заслуга этих специалистов по истории XIX века не только в том, что они обогатили историческое знание, но и в том, что они открыли новое окошко, позволившее пролить дополнительный свет на имеющееся знание (с. 48).

Ж.-Ф. С. В области политической истории должен быть отмечен Пьер Розанвалон, являющийся в настоящее время профессором Коллеж де Франс. С его творчеством связано появление в рамках

политической истории особого направления, получившего название «концептуальная история политики».

Г.К. Будучи профессором (и я отлично помню семинары, на которых мне неоднократно удалось побывать у Вас в Сьянс-по), какие методические приемы предпочитаете Вы использовать, чтобы привлечь внимание студентов?

Ж.-Ф.С. Я полагаю, что форма преподавания варьируется в зависимости от аудитории. Для студентов первых курсов на общих лекциях, когда идет простой монолог профессора, важно пробудить у них интерес к исторической дисциплине, дать им «почувствовать историю». Далее, и это, на мой взгляд, касается обучения во всех странах, наиболее плодотворной формой для пробуждения исследовательской инициативы студентов служат семинары. Мы во Франции опираемся на такой методический формат как при обучении в магистратуре, так и в рамках возглавляемой мной в Сьянс-по лаборатории — Центре истории⁹. Следует помнить, что процесс превращения в исследователя зиждется на двух опорах: непосредственной передаче знания и усвоении правил руководства доводами. Справедливость этого утверждения становится тем более очевидной, если учесть, что университетский или студент в первую очередь сам послужит в будущем агентом передачи знаний как эстафеты новым поколениям. Поэтому всегда важно заботиться о смене поколений.

Г.К. Какие возможности в профессиональном плане открываются сегодня для французских историков, и какие подходы предполагаете Вы развить в Ваших предстоящих научных трудах?

---

⁹ По поводу семинарских занятий, о которых говорит Ж.-Ф. Сиринелли, следует сделать некоторые пояснения. Организованы магистерские и докторантские семинары сходным образом: на них чередуются выступления самих слушателей с профессорами-руководителями (как правило, их два) и приглашенными профессорами, в т.ч. и иностранными. Различия в том, что магистерские проходят раз в месяц и на них на год намечается общая тема, в русле которой слушатели выбирают сюжет для доклада во втором полугодии, соотнося его с темой своего будущего диссертационного исследования. В первом семестре перед магистрантами выступают научный руководитель и приглашенные профессора, которые рассказывают о своих научных изысканиях, вписывая их в тему семинара. В докторантских семинарах в течение года выступают лишь руководители и приглашенные профессора, а также те слушатели, которые либо только что защитили диссертации, либо уже подготовили ее текст к защите.

Ж.-Ф. С. В пределах исторического знания, на которые распространяется моя сфера научных интересов, на мой взгляд, для французских историков вырисовываются две исследовательские перспективы. С одной стороны, так как я изучаю события, относящиеся к тому, что мы называем «настоящее время», первая перспектива диктуется непосредственно самим ходом времени, с течением которого постоянно расширяются границы исследовательского поля. Образно говоря, следуя за развитием реальной жизни, нужно поближе причалить к историческим берегам современности. Хотя дистанцию в тридцать лет все же следует соблюдать, учитывая, что доступ к архивным документам возможен лишь спустя такой срок с момента прошедших событий. Так что, я думаю, что отныне можно и нужно работать над изучением того, что происходило в нашем обществе в 1970–1980-е годы. С другой стороны, исходя из своих личных научных пристрастий, позволю себе заметить, что весьма актуальной в историографическом плане остается перспектива насыщения политической истории событиями культурной истории. Опираясь на этот метод в попытке понять и объяснить исторические явления, историк призван также задаваться решением крайне важных вопросов антропологического характера.

Из книги. На переднем фланге новейшей истории находятся отныне 1960-е гг. И процесс такого деления отнюдь не носит механического характера, он обусловлен в первую очередь тем, что эти годы служат водоразделом во французском XX веке... Середина 1960–1980-х гг. представляет собой «Решающее двадцатилетие» нашей национальной истории, зародившееся в недрах «Славного тридцатилетия» и выжившее после его исчезновения. И пришло время его изучать (с. 43-44).

Г.К. Полагаете ли Вы, что вокруг Вас и Ваших коллег существует школа культурной истории, и над какими темами вы работаете?

Ж.-Ф. С. Всегда трудно говорить о себе. Если говорить о форме исторического познания, которой я руководствуюсь и которую хочу развивать, я позволю себе отослать читателя к вступлению моей книги «Понять французский XX век», где я обрисовал свой интеллектуальный и научный путь. В настоящее время в Сьянс-по с моими коллегами мы пытаемся развивать культурную историю в чистом виде, во-первых, а также культурную историю политики, во-вторых.

Наша цель — превратить Сьянс-по в полюс притяжения для этих двух исторических дисциплин. Лично я работаю над изучением исторического отрезка времени, датируемого 1965–1985 гг. и ставшего периодом крупнейших изменений в жизни современной Франции.

Из книги. Представляется, что размах метаморфоз, происшедших во французском обществе за годы «Решающего двадцатилетия», 1965–1985, был настолько велик, что исторический отрезок времени, существовавший до них, можно назвать «миром, который мы утратили», и к его анализу уже вполне применим историко-антропологический метод. Иначе говоря, под влиянием упомянутых изменений по одну сторону разделительного историографического хребта расположился период от начала XX в. и до 1960-х гг. ... В частности, Франция межвоенного времени, политическая история которой уже досконально изучена, требует переосмысления с помощью этого метода. Многообещающим исследовательским полем может стать как период 1919–1939 гг., так и IV Республика... Одним из важнейших показателей изменений 1960-х гг. был взлет нового поколения, нареченного «дети бума» и повзрослевшего в течение следующих десяти лет. Смена поколений происходила и прежде, но до этих «детей бума» ни одно поколение французов не было современниками таких стремительных перемен... На примере исследования этого сюжета прекрасно проступает важность применения метода культурной истории. А еще больше необходимость его применения диктуется тем, что сердцевину XX века составляет массовая культура (с. 50-51).